

Содержание

Введение	3
Глава I. Понятие технократической утопии как жанра.....	5
Глава II. «Мир Полудня» братьев Стругацких как пример отечественной технократической утопии	9
Заключение	22
Список использованной литературы.....	23

Введение

Работа рассматривает проблему технократической утопии в советской фантастике на материале творчества братьев Стругацких.

Актуальность темы работы связана с тем, что жанр технократической утопии был характерным для СССР, но при этом Стругацкие работали в нём достаточно оригинально.

Первые книги Стругацких соответствовали требованиям социалистического реализма. Отличительной особенностью этих книг по сравнению с образцами тогдашней советской фантастики были «несхематичные» герои (интеллигенты, гуманисты, преданные научному поиску и нравственной ответственности перед человечеством), оригинальные и смелые фантастические идеи о развитии науки и техники. Произведения Стругацких написаны высокохудожественно, с юмором, героев отличает индивидуализация языка. Они органично совпали с периодом «оттепели» в стране и отразили тогдашнюю веру в светлое будущее и неуклонный прогресс в общественных отношениях. Программной книгой этого периода стала повесть «Возвращение (Полдень, 22-й век)» (1962), крупными мазками начертывавшая увлекательную перспективу будущего человечества, представители которого — светлые, умные люди, увлечённые покорители космоса, искатели, творческие личности.

Однако уже в повести «Далёкая Радуга» (1963) появляются тревожные нотки: катастрофа на далёкой планете в результате проводившихся учёными экспериментов вывела на первый план одну из основных тем дальнейшего творчества Стругацких — нравственный выбор человека, оказавшегося в тяжёлом положении, когда выбирать нужно между плохим и очень плохим вариантами. В этой же повести авторы впервые обозначили проблему: что будут делать и как себя будут чувствовать в светлом мире Полудня те, кто не способен жить творчески? Столкнувшись с прошлым, задуматься о том, возможно ли скорое избавление от «палеолита в сознании», пришлось

сначала героям повести «Попытка к бегству» (1962), а затем сотрудникам Института экспериментальной истории в повести «Трудно быть богом» (1964). Формально оставаясь в рамках мира Полудня, в повести «Хищные вещи века» (1965) Стругацкие обращаются к актуальным проблемам современности, рисуют гротескную модель будущего потребительского общества, которое и теперь представляется наиболее вероятной экстраполяцией развития сегодняшнего мира. Композиционно повесть является, по словам Войцеха Кайтоха, «специфически советской антиутопией», первой в русской литературе «антиутопией в утопии».

Цель работы состоит в анализе творчества Стругацких и определении их понимания технократической утопии. В соответствии с поставленной целью задачи работы предполагают:

1. классификацию фантастических жанров с целью определить понятия «утопии» и «технократической утопии»;
2. анализ особенностей произведений братьев Стругацких и мира, созданного ими, в отличие от других вариантов «описываемого будущего» (кстати, термин «путешествие в описываемое будущее» тоже принадлежит Стругацким, его совершает один из персонажей «сказки для научных сотрудников младшего возраста» «Понедельник начинается в субботу»).

Рабочая гипотеза данной работы такова: никакой технический прогресс не принесёт счастья человечеству, если основой его не станет Человек Воспитанный, который сможет избавиться от «внутренней обезьяны», — таков вывод многолетнего исследования возможного будущего. Эта идея относится не только к циклу Полудня, рассматриваемого в работе.

Глава I. Понятие технократической утопии как жанра

В основе утопии лежит религиозно-мифологическая идея о Земле Обетованной. Термин греческий, от *eu* — благо и *topos* — место, буквально «благословенная страна» (другой вариант: *u* — нет и *topos*, «место, которого нет»). Широко известным термин стал после появления в 1516 году одноименной книги английского гуманиста и политика Томаса Мора, действие которой происходило на фантастическом острове Утопия, где нет частной собственности, труд — всеобщая обязанность, а распределение благ происходит по потребностям граждан. Томас Мор не был фантастом, его труд — одновременно мечта об «идеальном» обществе и памфлет на современное ему социальное устройство. Создавая книгу, Мор частично опирался на диалог Платона «Государство». Развил идеи Мора итальянец Томмазо Кампанелла, чей «Город Солнца» (1602) также построен в форме рассказа мореплавателя, попавшего в мифический город. Здесь все общее, включая детей, чьим воспитанием занимается государство, трудиться обязаны все, а смыслом жизни служит научное и общественное совершенствование. В общем, ранняя утопия сродни детским фантазиям на тему «как здорово бы было!».

В утопии можно вычленить несколько течений, зависящих от вариантов трансформации общества. Особое распространение получила технократическая утопия, главный смысл которой — развитие науки и многочисленные изобретения. Управляют технократией ученые, наука носит характер абсолютного блага. Она не только цель существования социума, но и главное средство прогресса, ибо ее развитие служит поворотным пунктом для построения утопии. Идеальной роли науки посвящена незаконченная книга английского философа Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида» (1627). Многие прогнозы Бэкона выглядят настоящим пророчеством: воздухоплавание, подводные лодки, кино, радио и телевидение, криогеника, генная инженерия и даже энергетический «термояд». Катализатором

происходящих в обществе позитивных изменений может оказаться и великое фантастическое изобретение. Например, в романе Игнатиуса Доннелли «Золотая бутылка» (1892) утопия становится возможной после изобретения прибора, производящего золото. Существует политическая утопия — попытка конструирования максимально совершенного государства за счет эффективного механизма власти. Или эволюционно-социологическая утопия, где достижения общества основаны на поступательной эволюции и самосовершенствовании людей.

Одну из самых прославленных утопий сочинил американец Эдвард Беллами, чей роман «Взгляд назад», в русском переводе - «Золотой век» (1888) повествует о человеке, который, погрузившись в летаргический сон, пробудился в социалистическом Бостоне 2000 года. Расцвет техники привел к всеобщему равенству и процветанию, деньги отменены, исчезла преступность, искусство используется в качестве терапии и для повышения производительности труда. Совершенная система образования вылепила людей, чьи помыслы направлены не на личное обогащение, а на общественное благо. При этом отношения в мире «золотого века» донельзя регламентированы, включая жесткий контроль государства над частной жизнью граждан. Через два года англичанин Уильям Моррис выпустил роман «Вести ниоткуда», чей герой также во сне переносится в будущую коммунистическую Англию, где царит всеобщее равенство и гармония с природой. В отличие от Беллами, Моррис делает свое идеальное общество подчеркнуто пасторальным. Технику здесь заменило кустарное производство, а люди живут общинами и в охотку занимаются разнообразным творчеством.

Идеи классических утопистов во многом послужили основой для концепции примитивного коммунизма, которая на практике раз за разом терпела крах: от относительно безобидных частных опытов Шарля Фурье и Роберта Оуэна до кровавых экспериментов Пол Пота.

Писатели XX века относились к созданию утопии с большим скептицизмом, нежели их предшественники. Если в начале века Герберт Уэллс в романах «Современная утопия» (1903) и «Люди как боги» (1923) еще экспериментировал с вариантами технократического социализма, то ближе к середине столетия энтузиазм западных фантастов убавился.

Уже некоторые современники Уэллса полемизировали с социалистическими утопиями. Анатолий Франс, показывая в романе «На белом камне» (1905) как бы утопическое будущее, демонстрировал при этом явное недоверие к возможности его построения. Ведь люди слишком индивидуалистичны по природе, а попытка всеобщей уравниловки может привести к деградации человечества. Роман Александра Мошковски «Острова мудрости» (1922) — язвительная сатира на уэллсовские и любые другие классические утопии. Герой книги переносится на архипелаг, где на каждом острове находится своя утопия, на любой вкус: от буддистской до реакционной. И как же их можно совместить?¹

Постепенно утопия вновь вернулась на затерянные острова и в окутанные туманом сновидения: «Утерянный горизонт» Джеймса Хилтона (1933), «Островитянин» Остина Таппана Райта (1942), «Семь дней на Новом Крите» Роберта Грейвза (1949), «Остров» Олдоса Хаксли (1962), «Экотопия» Эрнста Калленбаха (1975). Западные фантасты переключились на произведения, где изображение якобы утопического общества оборачивается его критикой: «Венера плюс Икс» Теодора Старждона (1960), «Обездоленные» Урсулы Ле Гуин (1974), «Тритон» Сэмюэля Дилэни (1976), «Создание Утопии» Фредерика Пола (1979). Исключение — «коммунарский» цикл американца Мака Рейнольдса, убежденного марксиста, в чьих романах «Коммуна в 2000 году» (1974), «Башни Утопии» (1975), «После Утопии» (1977) показан мир технократического социализма.

---

¹ Невский Б. Утопия и антиутопия // мир Фантастики и фэнтези. Книжный ряд, 2007, № 49

Последние серьезно выстроенные утопии XX века появились в Советском союзе. Роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» (1957) - масштабное изображение коммунистического будущего на объединенной Земле. Главное достижение Ефремова - впечатляющий показ духовной жизни «нового человека» с изменившимся мировоззрением. У Ефремова Мирная Земля и мирный космос! Однако у книги Ефремова есть существенный недостаток: в его произведении социальный философ одержал решительную победу над литератором, поэтому роман местами откровенно нудноват. И это в противоположность ярким «Звёздным королям» Э. Гамильтона, ответом на которых «Туманность Андромеды» является (Гамильтон описывает войны между королевствами и империями до такой степени, что речь идёт о возможности уничтожения самого пространства). Кстати, и в другом романе предполагался не лишённым политического подтекста (одна из глав в первоначальном варианте называлась «Раскопки Нью-Йорка») Зато у братьев Стругацких с литературным мастерством все в порядке. Их роман в новеллах «Полдень, XXII век (Возвращение)» (1962) — не просто панорама будущего, где сочными мазками нарисована грандиозная картина созидательной деятельности человечества. Это еще и яркие персонажи, надолго западающие в душу читателя. Так ярко коммунизм еще никто не изображал! В мире Полдня действительно хотелось жить и работать!

В настоящее время на Западе интерес к утопиям угас (при всём при том, что несправедливости, породившие И если в «Плероме» Михаила Попова счастливое общество, победившее смерть, — лишь антураж психологической драмы, то цикл Романа Злотникова про Империю, созданную стараниями русского сверхчеловека, вполне укладывается в рамки политической утопии. Но специфической, чисто «нашенской»). Имперская утопия — очень востребованная у нас фантастическая тема с отчетливым реваншистским привкусом. Почти идеальная Российская империя Вячеслава Рыбакова («Гравилет «Цесаревич») и Александра Громова («Исландская карта»), не менее благостный Советский Союз Андрея Максимушкина

(«Красный реванш», «Белый реванш»), Великая Ордусть Хольма Ван Зайчика (цикл «Плохих людей нет»), бесчисленные вариации Галактической Руси и др.

Глава II. «Мир Полудня» братьев Стругацких как пример отечественной технократической утопии

Мир Полудня — литературный мир, в котором происходят события, описанные братьями Стругацкими в цикле романов, первой книгой которого является «Полдень. XXII Век» (с него пошло и название мира), а последней — «Волны гасят ветер». Несмотря на кажущуюся утопичность Вселенной, мир Полудня полон проблем и конфликтов, не чуждых и нашему времени.

Победа коммунизма и технологические достижения Земли в XXII веке решили проблему нехватки ресурсов и избавили людей от необходимости физического труда, что, в свою очередь, со временем привело и к отказу от торгово-рыночных отношений и денег. Знание стало самым важным ресурсом.

Наиболее необычной характеристикой мира Полудня по сравнению с другими известными фантастическими вселенными является практически полная чуждость ему идей империализма. Ни одна разумная раса мира Полудня не занималась построением галактической империи (альтернативный вариант — республики): ни в двадцать втором веке по летоисчислению Земли, ни до этого. Вместо этого они предпочитают держаться у своих родных планет, и лишь самые развитые технологически (люди Земли и, предположительно, Странники) позволяют себе вмешиваться в дела других планет, и только в форме т. н. «прогрессорства», безвозмездного тайного содействия развитию культуры отдельной цивилизации.

На Земле в XXII веке царит глобальная технократия, верхушкой которой является Мировой совет, законодательный и исполнительный орган власти, членами которого являются самые известные ученые, философы, историки и стратеги (60% составляют учителя и врачи). Как правило, Совет занимается лишь вопросами глобально-земного и галактического масштаба, оставляя управление колоний местным планетарным Советам.

Несмотря на то, что наука и техника справились с проблемой удовлетворения всех базовых потребностей людей, это привело к появлению отдельного слоя общества, представители которого не были в состоянии занять высокое положение в академической иерархии или стать известными деятелями искусства, но и заниматься простейшей работой вроде надзора над роботами не желали. Такие люди, как правило, добровольно отправлялись на исследование неизвестных планет и регионов космоса, иногда вступая в контакт с местными цивилизациями. Несмотря на откровенное недовольство правительства по поводу такого непрофессионализма, эта практика была достаточно полезна в свое время, чтобы ее узаконить².

Помимо людей, в мире Полудня присутствует также ряд других цивилизаций и разумных рас. Многие из них схожи с жителями Земли, в то время как некоторые настолько от них отличаются, что их разумность годами находилась под вопросом. Некоторые внеземные цивилизации также поддерживают дипломатический контакт с Землёй. По неясным причинам, большинство обитаемых планет заселено гуманоидами, генетически почти что неотличимыми от людей Земли, но, как правило, это списывается на манипуляции Странников.

Странники — несомненно, самая загадочная внеземная раса мира Полудня. С их технологическим развитием может сравниться только их страсть к конспирации, с которой они маскируют всю свою активность в

---

² Гаков Вл., Ревич В. СТРУГАЦКИЙ Аркадий Натанович (1925-1991) и СТРУГАЦКИЙ Борис Натанович (р. 1933) //Энциклопедия фантастики. — Минск: ИКО «Галаксиас», 1995. С. 537-543.

мире Полудня. Несмотря на то, что людям так и не удалось осознать преследуемые ими цели, множество признаков указывают на то, что Странники обладают собственным институтом прогрессорства и исподволь развивают другие цивилизации. При этом они избирают самые непонятные формы действия (с точки зрения других цивилизаций). Например, достаточно вспомнить случай с планетой Надежда («Жук в муравейнике»). По свидетельству Максима Каммерера, от чьего имени идёт изложение, это было самое значительное по масштабам и самое недавнее по времени вмешательство Странников в судьбы других цивилизаций. На планете в результате загрязнения произошла экологическая катастрофа, приведшая к «бешенству генных структур» (старение ускоренными темпами начиная с какого-то возраста). Когда авторы придумывали историю о болезни обитателей Надежды, проявлявшейся в ускоренном старении организма, они не подозревали о существовании болезни прогерии в реальности. Странники организуют уход населения через межпространственные тоннели, а затем начинают насильно переносить в «другой мир» тех, кто предпочёл остаться, даже несмотря на их ожесточённое сопротивление³.

Цикл, посвященный миру Полудня, включает в себя десять романов (приведены в хронологическом порядке):

- «Полдень. XXII век»
- «Попытка к бегству»
- «Далекая Радуга»
- «Трудно быть богом»
- «Беспокойство» — изначальный вариант повести «Улитка на склоне»
- «Обитаемый остров»
- «Малыш»
- «Парень из преисподней»
- «Жук в муравейнике»

---

³ Ревич В. «Фантастика — это не жанр, это способ думать» // Ревич В. Перекресток утопий: Судьбы фантастики на фоне судеб страны. — М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. С. 244-286.

- «Волны гасят ветер»

Помимо вышеперечисленных книг, с миром Полудня в той или иной мере связаны произведения «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею», «Стажеры», «Испытание СКИБР», «Частные предположения» и «Хищные вещи века», а также сказка А. Ярославцева (псевдоним А. Стругацкого) «Экспедиция в преисподнюю».

Мир Полудня, созданный Стругацкими, подвергался и до сих пор подвергается постоянной критике со стороны как коллег-писателей, так и читателей. Зачастую она проявляется в виде литературных произведений, описывающих альтернативы миру Стругацких, или пародий на него.

По мнению наиболее непримиримого критика - писателя и поэта Юрия Нестеренко, общественное устройство мира Полудня представляет собой фашизм, что проявляется в наличии тайной полиции, контроля над инакомыслием, запрета на свободное развитие науки, «тотального промывания мозгов, параноидальной ксенофобии, махрового антропорасизма и геноцида». Взгляды Нестеренко изложены в его статье «Слепящий свет полудня, или Фашизм братьев Стругацких». Они довольно сомнительны, хотя в пользу Нестеренко говорит отталкивающий образ Рудольфа Сикорски (Экселенца) («Жук в муравейнике»).

Для воспитания нового человека Стругацкие описали в «Полдень. XXII век» сеть интернатов. Их Теория Воспитания подвергалась оживленной критике, которая ещё не утихла.

Новеллы «Полдень. XXII век» связаны друг с другом (весьма условно) местом и временем действия: объединённое человечество XXII века — и героями. Герои повести обозначаются в самом её начале в двух эпизодах — «Перестарок», где на Землю возвращается космический корабль, запущенный ещё в предыдущем столетии, — и «Злоумышленники» — новелле о юных воспитанниках Аньюдинской школы. Повесть ненавязчиво прослеживает судьбу как главных, так и эпизодических героев в течение всего XXII века.

Прием использования новелл, связанных общими героями, позволил авторам предложить внимательному читателю литературную игру: обнаружить в каждой новелле таких связующих героев, иногда возникающих на самом дальнем плане.

Писатели осваивают новый прием: не объяснять технические новшества для читателя, а включать их в повествование как естественный, привычный атрибут описываемой реальности.

Авторы отдали дань привычной в то время теме и насытили повесть техническими деталями и эпизодами, которые, будучи развёрнутыми, сами по себе стали бы антологией научно-фантастических рассказов жюль-верновского типа. Специально стоит отметить тему освоения космоса и кибернетизации (авторам принадлежит честь введения в фантастический обиход термина «кибер»).

В повести защищается тезис, что люди «коммунистического типа» (а по Стругацким, это люди всесторонне образованные, творческие в широком смысле, ответственные за взятое на себя и честные перед собой и другими) суть такие же, как лучшие люди настоящего, они «живут уже сейчас». Чтобы нынешние лучшие исключения стали правилом в будущем, нужна, считают авторы, система нового воспитания и обучения. Так в творчестве Стругацких появляется новая тема, тема которая станет основной до самого конца: тема Учителя и Учительства.

Стругацкие моделируют биологическую (экологическую) цивилизацию; рассматривают ситуацию конфликтного контакта.

В заключительном эссе повести делается попытка «сверхдальнего прогноза» будущего. Эта тема в дальнейшем преобразуется в теорию Вертикального прогресса и найдёт свое пессимистичное завершение в романе «Волны гасят ветер».

Следующее произведение цикла – «Попытка к бегству». Это скорее роман-предупреждение, чем роман-утопия. Подобно С.Лему, начав с утверждения идеала, Стругацкие перешли потом к показу тех возможных

препятствий и противоречий, которые могут встретиться в дальнейшем или громоздятся на нашем пути уже сегодня.

«Дорогие мальчики! Простите меня за обман. Я не историк. Я просто сбежал к вам, потому что хотел спастись. Вы этого не поймете. У меня осталась всего одна обойма, и меня взяла тоска. А теперь мне стыдно, и я возвращаюсь. А вы возвращайтесь на Саулу и делайте свое дело, а я уж доделаю свое. У меня еще целая обойма. Иду. Прощайте. Ваш С. Репнин».

С таким письмом обращается к своим молодым друзьям неведомо откуда появившийся и неизвестно куда исчезнувший Саул - главный герой повести Стругацких «Попытка к бегству».

Человек нашей эпохи, совершивший со своими далекими потомками «туристское путешествие» на неизвестную планету и столкнувшийся там с деспотизмом, варварством, произволом, кровавыми расправами - со всем тем, что стало, по-видимому, далекой историей для его спутников, этот странный человек возвращается в прошлое, чтобы до конца выполнить свой нравственный и гражданский долг. И Саул-Репнин погибает в фашистском концентрационном лагере, выпустив по врагам последнюю обойму из захваченного у них «шмайсера».

Временные смещения, создающие условный аллегорический фон, конечно, не следует понимать буквально. И не нужно искать объяснения, каким образом Репнин стал Саулом и попал в далекое будущее. Надо только правильно понять подтекст этой повести: ни при каких обстоятельствах невозможно совершить скачок в будущее, не взрывлив для него и не пропитав кровью и потом почву настоящего⁴.

Человек и общество - так можно определить главную тему и последующих повестей Стругацких. В своих фантастических социальных проекциях они выдвигают на первый план острые, а иной раз трагические конфликты, к которым приводят неизбежные противоречия между

---

⁴ Брандис Е, Дмитриевский В, Тема предупреждения в научной фантастике //Вахта Арамиса. - Л.: Лениздат, 1967. - С. 440-471.

стремлением человека покорить Вселенную и сопротивлением косной материи; между могуществом творческого Разума и невозможностью проявить его силы в определенных исторических условиях; между субъективным пониманием нравственного долга и объективными закономерностями общественного развития. С такими философско-этическими конфликтами мы сталкиваемся и в «Далекой радуге», и в «Трудно быть богом», и в других произведениях братьев Стругацких.

Впервые в творчестве Стругацких возникает тема, в дальнейшем формирующаяся в проблему Прогрессорства: целенаправленного воздействия развитых цивилизаций на цивилизации, находящиеся на более низкой ступени социального развития, с целью ускорения их социального прогресса. В «Попытке к бегству» сформулированы две позиции: Антона и Вадима, полагающих, что для полного преобразования Саулы достаточно пяти лет активной деятельности по материальному насыщению Саулы, и позиции Саула, уверенного, что и «пятисот пятидесяти пяти лет» будет мало.

Умудрённый жизнью в XX веке, Саул считает, что социальное преобразование общества неотделимо от морального взросления его членов и для преобразования Саулы необходима ломка этических парадигм всего населения планеты, а этот процесс гораздо более тяжел и продолжителен. Здесь звучит тема Учительства, одна из основных в творчестве Стругацких.

Предвосхищая проблематику повести «Трудно быть богом», Саул задаётся вопросом этического шока, который неизбежно возникнет у человека будущего, погружающегося в принципиально иную морально-этическую действительность. Он буквально цитирует сюжетный ход будущей повести: «А что вы будете делать, когда придется стрелять? А вам придется стрелять, Вадим, когда вашу подругу-учительницу распнут грязные монахи...» Ответа на этот вопрос нет в «Попытке...», Стругацкие не дадут на него ответа и позже, не смотря на сформулированное ими кредо прогрессоров: «...существуют на свете носители разума, которые гораздо, значительно хуже тебя, каким бы ты ни был... И вот только тогда ты

обретаешь способность делить на чужих и своих, принимать мгновенные решения в острых ситуациях и научаешься смелости сначала действовать, а потом разбираться. («Жук в муравейнике»)

Саул формулирует максиму, остающуюся верной при всей своей неопределенности: чтобы подвигнуть людей на изменение, «начинать нужно с того, что сеет сомнение» в устоявшихся понятиях. Здесь Саул — один из «хотящих странного», тех, кого власть на Сауле заключала в лагерь, диссидент в буквальном, изначальном смысле этого слова. Кстати, имеется непроверенная информация, что Саул в первоначальном варианте должен был совершить побег из ГУЛАГа, а не из гитлеровского концлагеря.

Наиболее трудной для понимания выступает повесть «Трудно быть богом». Действие повести разворачивается в будущем на другой планете, где существует гуманоидная цивилизация, представители которой физически неотличимы от людей. Цивилизация находится на уровне развития, соответствующем земному средневековью. На планете негласно присутствуют сотрудники земного Института экспериментальной истории, ведущие наблюдение за развитием цивилизации и пытающиеся направить его по наиболее гуманному из возможных путей.

Главный герой — землянин Антон, действующий в Арканарском королевстве под именем дворянина Руматы Эсторского. Арканарское королевство переживает период контркультурной реакции — идут гонения на «грамотеев», и одной из задач Антона-Руматы является спасение учёных и поэтов и переправка их в более безопасные регионы. При этом на Антона, как и на всех полевых сотрудников Института экспериментальной истории, наложено жёсткое ограничение: мастерски владея оружием, они не имеют права применять его для убийства. Ограничение связано как со стратегией минимального вмешательства, так и с естественным для человека будущего нравственным запретом на убийство.

Работа Антона-Руматы в условиях царящего в Арканаре бесчеловечного мракобесия приводит его к глубокому внутреннему

конфликту: не имея права активно вмешиваться в события, он в то же время начинает считать такое вмешательство своим нравственным долгом. Но в условиях Арканара такое вмешательство с неизбежностью приведёт к необходимости убивать...

«Трудно быть богом», это первое произведение из цикла Мира Полудня, где появляется прогрессор в образе Антона. В книге миссия Антона-Руматы терпит полный провал и, тем самым, наглядно демонстрирует насколько сложны и взаимопротиворечивы задачи, стоящие перед институтом прогрессоров.

В повести «Беспокойство» - первоначальном варианте «Улитки на склоне» - в главах о лесе авторы поднимают проблему выбора в ситуации противостояния со сверхчеловеческой силой (см. повести «Далёкая радуга», «За миллиард лет до конца света» и др.). Михаил Сидоров по прозвищу Атос делает выбор в пользу борьбы, как бы она ни была сложна. В главах о Базе основная проблема — о пределе человеческого знания. Горбовский интуитивно чувствует опасность для человечества, которое поверило в безграничную силу разума. Одному из персонажей он говорит: «Вы спрашиваете, чего я боюсь. Я не боюсь задач, которые ставит перед собой человечество, я боюсь задач, которые может поставить перед нами кто-нибудь другой. Это только так говорится, что человек всемогущ, потому что, видите ли, у него разум. Человек — нежнейшее, трепетнейшее существо, его так легко обидеть, разочаровать, морально убить. У него же не только разум. У него так называемая душа. И то, что хорошо и легко для разума, то может оказаться роковым для души. А я не хочу, чтобы все человечество — за исключением некоторых сущеглупых — краснело бы и мучилось угрызениями совести или страдало бы от своей неполноценности и от сознания своей беспомощности, когда перед ним встанут задачи, которые оно даже и не ставило». В какой-то мере предсказания Горбовского сбудутся

в романе «Волны гасят ветер», когда человечество напрямую столкнётся со Странниками⁵.

Проблемы прогрессорства поднимаются в «трилогии Максима Каммерера» - «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер». Несомненно, высшей точкой является «Жук в муравейнике». Здесь выступает проблема «программирования человека» (характерная и для «Парня из преисподней»). В основе сюжета лежит рождение тринадцати детей из саркофага-инкубатора, созданного Странниками. Их записали посмертными детьми исследователей, отправляющихся в различные долгосрочные экспедиции, и направили в интернаты, приставив к ним медиков, которые следили за их развитием. Дети развивались абсолютно нормально, но в определённом возрасте у них на сгибе руки появлялось родимое пятно, в виде странного значка. Ничего особенного в этих пятнах не было, если бы в саркофаге не была найдена коробочка с медальонами, на которых было изображение точно таких же знаков. Связь между медальонами и «подкидышами» была доказана. При эксперименте на регенерацию медальона после разрушения он не восстановился, а вскоре умер ребёнок с родимым пятном в виде того же знака (Эдна Ласко, № 12). Так же после смерти одного из «подкидышей» Томаса Нильсона (№ 2) из футляра пропал медальон с символом косая звезда. Медальоны стали называть «детонаторами».

Лев Абалкин, вокруг тайны личности которого строится действие, является одним из «детей саркофага» (№ 7). Его знаком была стилизованная буква «Ж».

На основании «достаточно элементарных», по словам Сикорски, «соображений», все выросшие люди из саркофага были отправлены подальше от Земли с запретом посещать планету, а сама коробочка была направлена в закрытый отдел музея.

---

⁵ Зеркалов А. Игра по собственным правилам // Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Собрание сочинений: В 10 т. — М.: Текст, 1991-1993. Т. 1. С. 5-18.

В сложных событиях на Саракше Лев Абалкин узнал о том, что ему запрещено посещать Землю. (кстати, интересно, почему другой подкидыш – Корней Яшмаа, № 11 – живёт на Земле и только по работе наведывается на Гиганду, судя по «Парню из преисподней»). В нарушение норм Абалкин бросил свою деятельность прогрессора и вернулся на Землю по возможности тихо. Запрет на своё посещение Земли он сопоставил с аналогичным запретом для андроидов. Он пытался понять и доказать сам себе, что он обычный человек, а не андроид, а способ сделать это - проверить своё прошлое на предмет подлинности. Абалкин встречался со своими знакомыми, приезжал к Головану, с которым когда-то вместе работал.

По мнению Сикорски все эти метания Абалкина являются не чем иным, как действием заложенной в него программы и сопротивляющимся сознанием. «Ведь он не понимает, что с ним происходит. Программа требует от него нечеловеческого, а сознание тщится трансформировать это требование во что-то хоть мало-мальски осмысленное... Он мечется, он совершает странные и нелепые поступки. Чего-то вроде этого я и ожидал...», говорит Сикорски. Он боится, что «подкидыши» окажутся не «Жуками в муравейнике», т.е. «умные дяди из чисто научного любопытства сунули в муравейник жука и с огромным прилежанием регистрируют все нюансы муравьиной психологии», как считает Горбовский, а «хорьками в курятнике» и ничто не может изменить его мнения. Сикорски снова устраивает облаву на Абалкина, он не может допустить объединения медальона и человека. Максим пытается остановить Абалкина, что бы тот не шёл в музей. Но Лев непреклонен, следовательно выхода нет. Рудольф Сикорски стреляет в Абалкина и убивает его.

Отметим, что, как убеждается Максим Каммерер в ходе своего расследования, Экселенц гасит в Абалкине всё, к чему у того обнаруживается склонность, на протяжении двадцати лет. Не давая развиваться потенциальному зоопсихологу, Экселенц добивается того, чтобы Абалкин стал рядовым прогрессором (например, прекращение операций «Человек и

Голованы» и «Голован в космосе», направление Абалкина вместо Голубой Змеи в Хонти и в Островную Империю). Фактически, подозревая в Абалкине наличие какой-то программы Странников, Экселенц пытается создать для него свою программу, и в этом отношении он сам совершает худшее из того, что только предполагает о Странниках.

В «Жуке в муравейнике» мы впервые сталкиваемся явно с отрицательными сторонами Мира Полудня:

1. Проблема ксенофобии В сюжете демонстрируется как то, что в другой книге «Волны гасят ветер» Максим Каммерер определил как «Синдром Сикорски» («комплекс неуправляемого страха перед возможным вторжением Странников»). Заражен этим синдромом оказался не только сам Экселенц, но и огромная часть жителей Мира Полдня, живущих под девизом: «Чужой - всегда плохой, ущербен, злобен и бесправен». Причем ксенофобия проявляется не только против Странников или «подкидышей», но и голованов и прочих инопланетян (в особенности – тагорян).
2. Проблема прав человека. «Подкидышам» не предоставили в полной мере права людей, хотя никем не было доказано, что они не люди. Именно лицемерие власть имущих в этом вопросе и привело к трагедии с Абалкиным. Вспомним, что Экселенц настоял на своём в принятии четырёх требований. Не брезгают представители власти и двойными стандартами (вспомним различное положение Корнея Яшмаа и Льва Абалкина).
3. Проблема манипулирования сознанием людей с помощью средств массовой информации (СМИ). В Мире Полдня - это манипулирование людьми с помощью Большого Всемирного Информатора (БВИ), в котором обычный житель Мира Полдня может узнать только то, что разрешено властью имущими. В частности, Максим Каммерер пытается узнать, что такое операция «Зеркало» и получает отказ, хотя является сотрудником КОМКОНа-2 – фактически особистом будущего. Позже

он узнаёт, что это были глобальные учения по отражению возможной агрессии извне (вероятно – вторжения Странников). Экселенц, оказывается, был одним из руководителей этой операции – он отвечал за сохранение её секретности⁶.

Последнее произведение цикла – «Волны гасят ветер». Здесь выходит новая проблема – появление люденов – расы людей с нечеловеческими способностями. Это уже выход на новый уровень. Но весь цикл не имеет сюжетного финала. Смерть Аркадия Стругацкого помешала этому, Борис не решился один продолжать работу над циклом он не намерен. Правда, в 90-е годы он дал разрешение на публикацию ряда продолжений, написанных другими авторами (трёхтомник «Время учеников»).

---

⁶ Сербиненко В. Три века в мире утопии: Читая братьев Стругацких // Новый мир. 1989. № 5. С.242-255.

Заключение

Основные выводы по работе следующие:

1. Цикл технократических романов о будущем «Мир полудня» братьев Стругацких – пример в подлинном смысле литературной фантастики. Повесть «Полдень, XXII век» была написана как реакция на фантастический роман-эпопею «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова. В контрапункт холодно-логической утопии Ефремова, произведения скорее социально-философского, нежели литературного, Стругацкие описали мир, заселённый живыми людьми — людьми ищущими, неуспокоенными, страдающими, разными — «мир, в котором интересно жить и работать». Писатели осваивают новый прием: не объяснять технические новшества для читателя, а включать их в повествование как естественный, привычный атрибут описываемой реальности.
2. Характеризуя технократическую утопию Полудня, можно отметить следующее. Победа коммунизма и технологические достижения Земли в XXII веке решили проблему нехватки ресурсов и избавили людей от необходимости физического труда, что, в свою очередь, со временем привело и к отказу от торгово-рыночных отношений и денег. Знание стало самым важным ресурсом.
3. В то же время в условиях Полудня развитие получили существенные отрицательные стороны, наиболее остро встающие в трилогии Максима Каммерера. Это проблема ксенофобии, проблема прав человека и проблема доступности к информационным ресурсам.

Список использованной литературы

1. Брандис Е, Дмитревский В, Тема предупреждения в научной фантастике //Вахта Арамиса. - Л.: Лениздат, 1967. - С. 440-471.
2. Гаков Вл., Ревич В. СТРУГАЦКИЙ Аркадий Натанович (1925-1991) и СТРУГАЦКИЙ Борис Натанович (р. 1933) //Энциклопедия фантастики. — Минск: ИКО «Галаксиас», 1995. С. 537-543.
3. Зеркалов А. Игра по собственным правилам // Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Собрание сочинений: В 10 т. — М.: Текст, 1991-1993. Т. 1. С. 5-18.
4. Зеркалов А. Новое платье идеологии // Завтра: Фантаст. альманах: Вып. первый. — М.: Текст, 1991. С. 164-169. Измерение Ф. 1990. № 3.
5. Невский Б. Утопия и антиутопия //мир Фантастики и фэнтези. Книжный ряд, 2007, № 49
6. Ревич В. «Фантастика — это не жанр, это способ думать» // Ревич В. Перекресток утопий: Судьбы фантастики на фоне судеб страны. — М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. С. 244-286.
7. Рублев К. Блеск голубоватого пенсне, или Как писали критики о фантастике Стругацких // Двести. 1995. № Е. С. 6-31.
8. Сербиненко В. Три века в мире утопии: Читая братьев Стругацких // Новый мир. 1989. № 5. С.242-255.
9. Стругацкий Б., Измайлов А. «Комментариев не имею!»: [Интервью] // Двести. 1995. № Е. С. 34-43.
- 10.Стругацкий Б., Шидловская С. Без напарника: [Интервью] // Фантаkrim MEGA. 1993. № 1. С. 2-4.